

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ III

Санкт-Петербург
2017

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. III. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Кулешов Ю.А.

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)44

УДК 94(47).04=161.1(045)"0/2"(470+571)

Кулешов Ю.А. К вопросу о доспешной моде на Руси в так называемый период ориентализации, 2-я половина XV – 1-я половина XVI вв. Постановка вопроса. (Отзыв на статьи Шиндлера О.В., Быкова А.В., Несина М.А., Комарова О.В., Панкратова А.Г., Бузденкова Д.Е. опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480-2015»)

Ключевые слова: военное дело, ориентализация, кованная рать, доспех, корацина, бехтерец, юшман.

Автор: Кулешов Юрий Алексеевич, учёный секретарь Проблемного совета «Военная археология» при Институте археологии РАН. Основная сфера интересов – военное дело Золотой Орды в контексте Восточной Европы.

Email: yurah1@mail.ru.

Литература, использованная в статье:

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. — Л., 1976.

Археология СССР. Свод археологических источников — Л., 1971.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. — Вып. № 3.

Селезнёв Ю.В. "А перемѣнить Богъ Орду..." (русско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV в.). — Воронеж, 2006.

Набиев Р.Ф. Государство Джучитов в XIV веке: проблемы экономического развития. — Казань, 2014.

Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII-XV веках. — Воронеж, 2013.

Селиверстов Д.А. «А ординци и делюи, а тем знати своя служба, как то было при нашемъ о(т)ци, при великомъ князи...» (к вопросу об ориентализации московского войска середины XIV — начала XV веков) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. — Астана, 2012.

Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. — М., 2009.

Двуреченский О.В. Реликвии Донского побоища: Находки на Куликовом поле. — М., 2008.

Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV-XVII веков. — Тула, 2015.

Кирпичников А.Н. Куликовская битва. — Л., 1980.

Возный И.П. Военное искусство в Куликовской (1380) и Грюнвальдской (1410) битвах (сравнительный структурный анализ) // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда. Выбор пути

русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. (К 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге) — Материалы международной научной конференции 22-24 октября 2010 г. — СПб., 2010.

Насонов А.Н. О списках псковских летописей // Полное собрание русских летописей. — М., 2003. — Т. V. — Вып. № 1.

Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // Полное собрание русских летописей. — М., 2003. — Т. V. — Вып. № 1.

Черепнин Л.В. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. — М.; Л., 1950.

Юхо С.В. Инвентарь вооружения Несвижского замка 1510, 1569 годов (позднее вывезенного в Чернавчицы) и другие инвентари 2-й половины XVI века: уникальные источники для новых исследований // Война и оружие. Новые исследования и материалы Труды Третьей международной научно-практической конференции 16-18 мая 2012 года. — СПб., 2012. — Ч. 3.

Веселовский С.Б. Акты Русского Государства 1506-1526. — М., 1975.

Зимин А.А. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. — М., 1956.

Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV-XVI вв. — М., 1995.

"Боярская книга" 1556/57 года // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. № 10.

Кистерев С.Н. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря: 1506-1608 гг. — М., 1998.

Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. — М., 2010.

Tsurtsumia M. Couched Lance and Mounted Shock Combat in the East: The Georgian Experience // Journal of Medieval Military History. — Woodbridge, 2014. — Vol. XII.

Каменский А.Н., Кулешов Ю.А. Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина (по материалам Великого Новгорода) // Военная археология: Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. — М., 2014. — Вып. № 3.

Салмина Е.В., Салмин С.А. Ольгинские I-III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы 53 заседания. — Псков, 2008.

Лупиненко Ю.М., Макушников О.А. Створчатые наручи первой половины XIII в из летописного Гомия // Военная археология: Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. — М., 2014. — Вып. № 3.

Макушников О.А. Гомельское Поднепровье в V-середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. — Гомель, 2009.

Комаров О.В. Отзыв на статью Шиндлера О. В. «Смена доспешой моды во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 654-676 <http://www.milhist.info/2016/12/12/komarov_3> (12.12.2016).

Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958-1961 гг.). — М., 1963.

Ziesemer von W. Das Grosse Ämterbuch des Deutschen Ordens. — Danzig, 1921.

Joachim E. Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399 — 1409. — Königsberg, 1896.

Potvin Ch. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy: voyageur, diplomate et moraliste. — Louvain, 1878.

Зимин А.А. Слово о полку Игореве. — СПб., 2006.

Шиндлер О.В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. I. — С. 72-97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

Stocklein von H. Die Waffenschätze im Topkapu Sarayi müzesi zu Istanbul: Ein Vorläufiger Bericht // *Ars Islamica*. — Michigan, 1934. — Vol. I. — Part 2.

Robinson H.R. *Oriental armour*. — London, 1967.

Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. — М., 2004.

Шиндлер О.В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 417-486 <<http://www.milhist.info/2014/08/18/schindler>> (18.08.2014).

Khorasani M.M. *Lexicon of Arms and Armor from Iran: A Study of Symbols and Terminology*. — Tübingen, 2010.

Бранденбург Н. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение // Оружейный Сборник. № 3. — СПб., 1871.

Бохан Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI. — Минск, 2002.

Barbieri G. *Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia delle relazioni diplomatiche fra la Russia e il Ducato di Milano nell'epoca sforzesca*. — Bari, 1957.

Nicolle D. *Late Mamlūk Military Equipment*. — *Travaux et Études de la Mission Archéologique Syro-Française Citadelle de Damas (1999-2006)*. — Damas, 2011. — Vol. III.

The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. — Glasgow, 1903. — Vol. II.

Селиверстов Д.А. Московское войско в битве при Орше 1514 г. // Военная археология: Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. — М., 2014. — Вып. № 3.

Лобин А.Н. Образ воинов-«москавитов» на картине «Битва под Оршей» // *Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы*. — Минск, 2016. — Вып. № 9.

Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформы царского войска // *Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы*. — М., 2009. — Вып. № 1.

Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain. — Basileae, 1556.

Moscovia der Hauptstat in Reissen durch Herrn Sigmunden Freyherrn zu Herberstain. — Wien, 1557.

Wunderer J. D. *Reisen nach Dennemarct, Rußland und Schweden 1589 und 1590* // *Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Litteratur und Geschichte*. — Frankfurt a. M., 1812. — Т. 2.

Strykowski M. *Kronika polska, litowska, zmodzka i wszyskiej Rusi*. — Warszawa, 1846. — Т. II.

Strykowski M. О porazeniю 25,000 Moskwy na Ule // *Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. Годъ третій.*, Кн. 3. — М., 1847.

Khorasani M. M. *Lexicon of Arms and Armor from Iran: A Study of Symbols and Terminology*. — Tübingen, 2010.

Acta Tomiciana: Tomus Tercius Epistolarum. Legationum. Responsorum. Actionum et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi, Regis Polonie et Magni Ducis Lithuanie. — Poznanae, 1853. — Т. III. 1514-1515.

Потёмкина Т.М., Кулешов Ю.А. Погребения восточноевропейских средневековых номадов с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк, 2010. — Т. 8.

Кулешов Ю.А. Оборот оружия в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. — Казань, 2014. — Вып. № 7.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2017/04/11/kyleshov>

Ссылка для печатных изданий:

Кулешов Ю.А. К вопросу о доспешной моде на Руси в так называемый период ориентализации, 2-я половина XV – 1-я половина XVI вв. Постановка вопроса. (Отзыв на статьи Шиндлера О.В., Быкова А.В., Несина М.А., Комарова О.В., Панкратова А.Г., Бузденкова Д.Е. опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480-2015») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. III. — С. 740-766 <<http://www.milhist.info/2017/04/11/kyleshov>> (11.04.2017).

Kuleshov Y. “Orientalism” – based Russian arms and armor dated from the second half of the fifteenth – to the first half of the sixteenth century, in response to “The Great Stand on the Ugra River, 1480-2015” article by O. Schindler et al.

Keywords: the art of war; “orientalism”; arms and armor; plated chainmail.

Author: Yuri Kuleshov is a fellow researcher for the “Military Archeology” Committee at the Russian Academy of Science. His specialty is the military art of the Golden Horde and the Eastern Europe.

Email: yurah1@mail.ru.

References:

Seliverstov D.A. «A ordinci i deljui, a tem znati svoja sluzhba, kak to bylo pri nashem# o(t)ci, pri velikom knjazi...» (k voprosu ob orientalizacii moskovskogo vojska sere diny XIV — nachala XV vekov) [Question of orientalizing Moscow's troops of the XIV — beginning of XV centuries] // Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov. — Astana, 2012.

Voznyj I.P. Voennoe iskusstvo v Kulikovskoj (1380) i Grjunval'dskoj (1410) bitvah (sravnitel'nyj strukturnyj analiz) [The art of war in the battle of Kulikovo (1380) and Grunwald (1410) battle] // Sud'by slavjanstva i jeha Grjunval'da. Vybor puti russkimi zemljami i narodami Vostochnoj Evropy v Srednie veka i rannee Novoe vremja. (K 600-letiju bitvy pri Grjunval'de/Tannenberge) — Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 22-24 oktjabrja 2010 g. — SPb., 2010.

Tsurtsunia M. Couched Lance and Mounted Shock Combat in the East: The Georgian Experience // Journal of Medieval Military History. — Woodbridge, 2014. — Vol. XII.

Kamenskij A.N., Kuleshov Ju.A. Zashhita konechnostej v komplekse vooruzhenija drevnerusskogo voina (po materialam Velikogo Novgoroda) [Protection of the extremities of the ancient warrior] // Voennaja arheologija: Sbornik materialov Problemnogo soveta «Voennaja arheologija» pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee. — M., 2014. — Vyp. № 3.

Komarov O.V. Response to O. Schindler's article on “Change of the arms and armor's style during the second part of the fifteenth century.” [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 654-676 <http://www.milhist.info/2016/12/12/komarov_3> (12.12.2016).

Ziesemer von W. Das Grosse Ämterbuch des Deutschen Ordens. — Danzig, 1921.

Joachim E. Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399 — 1409. — Königsberg, 1896.

Potvin Ch. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy: voyageur, diplomate et moraliste. — Louvain, 1878.

Zimin A.A. Slovo o polku Igoreve. — SPb., 2006.

Schindler O.V. The modification of fashion: Russian armor in the second half of XVth century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol.I. — P. 72-97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

Stocklein von H. Die Waffenschätze im Topkapu Sarayi müzesi zu Istanbul: Ein Vorläufiger Bericht // Ars Islamica. — Michigan, 1934. — Vol. I. — Part 2.

Robinson H.R. Oriental armour. — London, 1967.

Shindler O.V. Classification of Russian body armor of the XVI century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2014. — Vol. V. — P. 417-486 <<http://www.milhist.info/2014/08/18/schindler>> (18.08.2014).

Khorasani M.M. Lexicon of Arms and Armor from Iran: A Study of Symbols and Terminology. — Tübingen, 2010.

Barbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia delle relazioni diplomatiche fra la Russia e il Ducato di Milano nell'epoca sforzesca. — Bari, 1957.

Nicolle D. Late Mamlūk Military Equipment. — Travaux et Études de la Mission Archéologique Syro-Française Citadelle de Damas (1999-2006). — Damas, 2011. — Vol. III.

The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. — Glasgow, 1903. — Vol. II.

Seliverstov D.A. Moskovskoe vojsko v bitve pri Orshe 1514 g. [Moscow army at the battle of Orsha in 1514] // Voennaja arheologija: Sbornik materialov Problemnogo soveta «Voennaja arheologija» pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee. — M., 2014. — Vyp. № 3.

Lobin A.N. Obraz voinov-«moskavitov» na kartine «Bitva pod Orshej» [The image of soldiers "moskavity" in the painting "Battle of Orsha"] // Studia Historica Europae Orientalis: Issledovanija po istorii Vostochnoj Evropy. — Minsk, 2016. — Vyp. № 9.

Kurbatov O.A. Reorganizacija russkoj konnicy v seredine XVI v.: idejnye istochniki i celi reformy carskogo vojska [The reorganization of the Russian cavalry in the middle of the XVI century] // Edinorog#: Materialy po voennoj istorii Vostochnoj Evropy. — M., 2009. — Vyp. № 1.

Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberštain. — Basileae, 1556.

Moscovia der Hauptstat in Reissen durch Herrn Sigmunden Freyherrn zu Herberstain. — Wien, 1557.

Wunderer J. D. Reisen nach Dennemarct, Rußland und Schweden 1589 und 1590 // Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Litteratur und Geschichte. — Frankfurt a. M., 1812. — T. 2.

Strykowski M. Kronika polska, litowska, zmodzka i wszystkiej Rusi. — Warszawa, 1846. — T. II.

Strykowski M. O porazeniu 25,000 Moskwy na Ule // Chtenija v Imperatorskom Obshhestvѣ istorii i drevnostej Rossijskih. God tretij., Kn. 3. — M., 1847.

Khorasani M. M. Lexicon of Arms and Armor from Iran: A Study of Symbols and Terminology. — Tübingen, 2010.

Acta Tomiciana: Tomus Tercius Epistolarum. Legationum. Responsorum. Actionum et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi, Regis Polonie et Magni Ducis Lithuanie. — Poznanae, 1853. — T. III. 1514-1515.

Potjomkina T.M., Kuleshov Ju.A. Pogrebenija vostochnoevropskikh srednevekovykh nomadov s zashhitnym vooruzheniem: jetnokul'turnyj i social'nyj aspekty [Eastern European medieval burials of nomads with defensive weaponry: ethnic, cultural and social aspects] // Stepi Evropy v jepohu srednevekov'ja. — Doneck, 2010. — T. 8.

Kuleshov Ju.A. Oborot oruzhija v Zolotoj Orde [Arms trafficking in the Golden Horde] // Zolotoordynskaja civilizacija. — Kazan', 2014. — Vyp. № 7.

Internet link:

<http://www.milhist.info/2017/04/11/kyleshov>

Reference:

Kuleshov Y. "Orientalism" – based Russian arms and armor dated from the second half of the fifteenth – to the first half of the sixteenth century, in response to "The Great Stand on the Ugra River, 1480-2015" article by O. Schindler et al. [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2017. — Special edition V. Great stand on the Ugra river. — Vol. III. — P. 740-766 <<http://www.milhist.info/2017/04/11/kyleshov>> (11.04.2017).

Ю.А. Кулешов

К ВОПРОСУ О ДОСПЕШНОЙ МОДЕ НА РУСИ

В ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ПЕРИОД
ОРИЕНТАЛИЗАЦИИ,
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV —
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI ВВ.
(ПОСТАНОВКА ВОПРОСА)¹

Фазу развития отечественного военного дела XV — первой половины XVI вв. в среде оружейников традиционно принято именовать периодом ориентализации. Под этим определением подразумеваются процессы облегчения комплекса вооружения, приведшие в конечном итоге к изменению тактики войска Древней Руси на восточный манер. Этот термин ввёл в употребление А. Н. Кирпичников². Проанализировав имеющийся в своём распоряжении материал, исследователь пришёл к выводу, что на протяжении XIII–XIV вв. древнерусский комплекс вооружения максимально утяжелялся и достиг своего апогея к рубежу XIV–XV вв.³ При этом по характеристикам он мало отличался от комплекса вооружения западноевропейского рыцарства, и, как следствие, воинства Древней Руси использовали, соответственно, аналогичную тактику⁴. Отдельно А. Н. Кирпичников отметил, что, несмотря на нахождение Руси в этот период под гнётом ига монголо-татар, древнерусский комплекс вооружения развивался самостоятельно, и военное дело захватчиков не оказало на него никакого влияния⁵.

На сегодняшний день очевидно, что Русь на протяжении второй половины XIII–XIV вв. не просто находилась под гнётом ига, а являлась частью Золотой Орды. Причём это сказывалось не только на положении дел в политической, административной⁶, экономической⁷, социальной⁸ сферах, но и затрагивало вопросы военного порядка⁹. Более того, менталитет древнерусского населения того периода складывался в общем русле золотоордынской государственности¹⁰. Эти факты уже сами по себе ставят под сомнение тезис, выдвинутый А. Н. Кирпичниковым.

Между тем современные исследования в области оружейведения продолжают нам рисовать ту же картину. Специалисты по-прежнему акцентируют внимание на том, что ко времени Куликовской битвы древнерусский комплекс вооружения становится максимально тяжёлым, а далее начинается его облегчение, которое плавно длится на протяжении всего XV в. и достигает своего апогея в первой трети XVI в.¹¹ Аргументы строятся на основании того, что более мощные пластинчатые доспехи в указанный период замещаются более подвижными кольчато-пластинчатыми. При этом археологический материал, сколько-нибудь серьёзно в расчёт не берётся, а упор сделан исключительно на письменные источники. По этому, для того чтобы понять всю весомость аргументов данной теории нам необходимо критически рассмотреть нарративный материал.

Основанием для вывода о том, что древнерусский комплекс вооружения максимально утяжеляется к периоду Куликовской битвы, для исследователей служит появление в Памятниках Куликовского цикла определения «кованая рать»¹². При этом изначально А. Н. Кирпичников относил этот процесс к 1-му десятилетию XV в., когда это определение впервые появляется на страницах древнерусских летописей¹³. Поводом для удревления послужило то, что исследователь нашёл в одном из списков «Сказания о Мамаевом побоище»¹⁴ употребление определения *оружники*¹⁵. Ещё во время написания своего фундаментального труда «Древнерусское оружие» он пришёл к выводу, что так на Руси обозначались тяжеловооружённые войны¹⁶. К этому же его подтолкнуло описание Игнатием Смоленином почётного караула византийского императора Мануила II во время его венчания на царствование в 1391 г., оно до нас дошло в «Хождении Пимена в Царь-град». Сопровождающих Мануила воинов путешественник называет *оружниками* и далее добавляет, что «...от глав их и до ног их все железно»¹⁷. При этом, исходя из хода повествования, это поразило смоленского диакона, так как приведённая цитата входит в абзац с описанием удивления от увиденного: «...и сице дивно и любомудро бысть»¹⁸. В то же время И. И. Срезневский в своём «Словаре древнерусского языка» трактует определение *оружник* просто как *носящий оружие*, или синоним определению *воин*¹⁹.

Что касается словосочетания *кованная рать*, то на страницах летописей оно встречается всего два раза, и оба — в Псковской I летописи. Первый раз под 1460 г. при описании исхода с псковского княжения литовского князя Александра Чарторыйского: «*А двора его кованной рати боевых людей 300 человек...*»²⁰. Второй — под 1471 г. в характеристике отряда, отправленного для погребения павших из псковской рати, разбитой новгородцами на р. Лютой: «*Приставишиа к ним 20 человек и 100 кованые рати*»²¹.

Особо стоит обратить внимание на то, что оба определения впервые встречаются в Тихановском списке, редакция 1469 г. (сообщение под 1460 г.), и в Архивском I списке, редакция 1481 г. (оба сообщения: и под 1460 г., и под 1471 г.). В свою очередь, А. Н. Насонов, детально разобравший псковское летописание, убедительно доказал, что оба списка являются разными редакциями одного свода²². При этом исследователь отмечал появление общего протографа псковских летописных сводов до 1460 г.²³ Таким образом, можно смело утверждать, что возникновение термина *кованная рать* приходится на время составления Тихановского списка, то есть на конец 60-х гг. XV в.

Здесь стоит оговориться: дело в том, что в псковских летописях встречаются ещё два похожих определения. Так, в Псковской 3 летописи, при описании отражения ливонского вторжения под 1406 г. указано: «*А вельяне скопившиеся выехали с полтораста человек железной рати...*»²⁴. Также в Псковской 2 летописи при разгроме ливонцами пешей псковской рати в Устьях под 1480 г. мы читаем: «*А доспешная рать на конех того не видеша...*»²⁵.

Псковская 2 летопись дошла до нас только в одном списке — Синодальном, редакции 1486 г. Вышеуказанный исследователь псковского летописания А. Н. Насонов особо отметил, что в данном своде (более чем в других) подробно описаны события 1480-х гг., причём с особым акцентом на псковские реалии²⁶, и пересказаны они явно современником и очевидцем²⁷. На этом основании можно однозначно утверждать, что словосочетание *доспешная рать* синонимично определению *кованной рати* и находится в обороте с ним в одно и то же время.

Что касается Псковской 3-й летописи, редакция 1567 г., то известно, что составителем её был игумен Псковско-Печерского монастыря Корнилий²⁸. Она представлена двумя списками: первый — Строевский

список редакции 60-х гг. XVI в., второй — Архивский второй список редакции середины XVII в. При этом первый послужил протографом для второго²⁹.

Исходя из изложенного выше, можно предположить, что это является трактовкой современником более раннего определения. Между тем о хождении определения *кованной рати* ещё в 60-х гг. XVI в. свидетельствует Реляция папского нунция в Польше кардинала Коммендоне о победе великого литовского гетмана Николая Радзивила в битве на р. Уле 26 января 1564 г., отправленная архиепископу г. Милана кардиналу Карло Борromeо в письме от 4 февраля 1564 г.³⁰ При описании состава рати князя Петра Шуйского указано следующее: «С отборными частями конницы, призванными из самых сильных московитских городов — торопчане, исковичи, новгородцы и лучане, которых на местном языке называют кованная рать, то есть закованный в железо строй...»³⁰. При этом в оригинале реляции выражение *кованная рать* передана именно как звуковой состав — *Kovana Raz*³¹. Особо на себя обращает внимание состав рати: мы видим исключительно корпорации северо-западных городов. Здесь сразу стоит оговориться, так как в русском переводе под лучанами (в оригинале *Lucensi* — Ю.К.) указывается рать из г. Луцка³², что тут само по себе абсурдно, а автор, несомненно, имел в виду рать из Великих Лук.

Что касается упоминания *кованной рати* в Памятниках Куликовского цикла, то оно встречается уже в самом раннем произведении цикла — «Задонщине». В частности — три раза в Пространной редакции «Задонщины» применительно к рати князя Дмитрия Донского: «Выехали посадники все из Великого Новгорода 70 000 кованые рати...»³³, — далее: «Колко с нами храбрые Литвы, 70 000 окованные рати»³⁴, — и чуть ниже: «А вою с нами 300 000 кованой рати...»³⁵. И практически в самом конце в отношении татар, но в историческом экскурсе: «У Батыя царя было 400 000 окованные рати»²⁷. Разбирать последний случай в контексте его упоминания нет никакого смысла. Что до первых трёх, то два упомянуты только в Синодальном списке

* Здесь и далее приводятся непосредственные переводы оригинальных текстов иностранных источников. Пользуясь случаем, автор выражает свою благодарность за помощь в переводе с латинского В. В. Понарядову, со старонемецкого — А. К. Камкинцу и А. О. Михаленко, и со староанглийского — М. В. Нечитайлову.

«Задонщины», редакция XVII в., и он имеет западнорусское происхождение³⁷. Этим, собственно, объясняется, что в первом случае речь идёт о новгородцах, а во втором — о союзных литовцах. Что касается последнего упоминания, то многие исследователи единодушно во мнении, что абзац, в котором оно приводится, является более поздней вставкой. Дело в том, что список русских воевод, помещённый в тексте «Задонщины» перед интересующей нас цитатой, заимствован из Никоновской летописи, а сама цитата является вставкой из «Сказания о Мамаевом побоище»³⁸.

Что до оно, то это памятник более поздний, интересующее нас определение встречается в нём всего два раза, и оба в Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Правда, в её ранней версии — лицевом списке Ундольского, который датируется XVI в., читаем: «Сказывают, вою с нами 400 кованой рати...», — и далее: «Вою с нами семьдесят тысяць кованой рати удаляя Литвы»³⁹. Здесь мы опять-таки видим, что в одном из двух случаев интересующее нас определение употребляется в отношении северо-западной рати — союзных литовцев, а сам памятник достаточно поздний.

Из этого очевидно, что выражение *кованная рать* появляется достаточно поздно, не ранее второй половины XV в., и продолжает бытовать до 3-й четверти XVI в. При этом этимологически оно как-то связано с северо-западной территорией Руси.

Следовательно, перед нами сразу встаёт вопрос: является ли это свидетельством того, что комплекс вооружения северо-запада Руси был мощнее, чем в других регионах?

И здесь на память приходит битва между новгородцами и москвитями под г. Русой 3 февраля 1456 г. Дело в том, что в составе Московского летописного свода конца XV в. до нас дошла одна подробность, которая отсутствует в других летописных источниках, описывающих это событие: «*Вои же великого князя, видевши крепкия доспехи на Новгородцех, и начаша стрелами бить по конем их*»⁴⁰. С одной стороны это, несомненно, может являться подтверждением выдвинутого предположения.

Если мы в свою очередь обратимся к актовому материалу периода употребления определения *кованная рать*, приходящемуся, как мы выяснили, на 1460–1560 гг., то получим ответ сразу на оба вопроса.

Ведь в это время в публично-правовых актах появляется достаточно детальное описание комплекта доспеха с элементами или целым набором элементов, которые до этого практически нигде не встречались.

Первый из интересующих нас документов является обидный список от князя Ивана Васильевича польскому королю Казимиру IV, направленный им 7 мая 1490 г. с посольством Михаила Еропкина. Так, в нём указано, что в 1489 г. в г. Киеве киевским воеводой Юрием Пацем было ограблено два тверских купца-складника. У одного из них — Климуши Михалева, среди прочего было отобрано «...зерцала, да батарлыки, да наручи да наколенки»⁴¹.

Второй документ — это духовная грамота князя Фёдора Борисовича Волоцкого, датированная 1506 г. В ней говорится об одолжении князем элементов доспеха волоцкому вотчиннику Вериги Иванову: «Дат(и) ми Вериги Иванову с(ы)ну Есипова наколенки»⁴².

Следующий документ является иностранным источником, речь идёт об инвентарной описи Несвижского замка времён князя Миколая Радзивилла Старого, известного как «Рээстр посполітых рэчэў скарбных», который был составлен не позднее 1510 г. В нём среди прочего вооружения указаны элементы доспеха московитов в целом, в том числе «...наручей московских 11 а наколенков а батарлыков московских 3 а зерцала московския одны»⁴³.

Ближайший по хронологии за ним документ был составлен не позднее 21 декабря 1519 г., это духовная дмитровского вотчинника Захарья Фёдорова сына Катунина. В ней он завещает бывший у него доспех своим сыновьям: Степану — «...да терлик хындрячен стеган, да парсыр(ь)», и Петру — «...терлик тафта голуба, да шолом и наручи с ыменем»⁴⁴.

Далее идёт духовная ростовского вотчинника Григория Дмитриева Русинова, составленная не позднее 15 января 1522 г. В ней говорится о том, что он, будучи на службе, отослал домой со своим племянником Василием Петровым сыном Сморова и своим человеком Неклюдом «...короб(ь)ю с доспехом»; «а в короб(ь)е доспеху: пят(ь) пансыров, да пят(ь) шоломов, да наручи шамахинские, да трои наручи московские, да наколенки; да тут же въ короб(ь)е закладной пансыр(ь) въ четырех гривнах Григор(ь)я Васил(ь)ева с(ы)на Плещеева». При этом часть доспеха осталась при нём: «А со мной на службе доспеху: шолом шамахеиской да бехтерец»⁴⁵.

Далее по хронологии следует духовная волоцкого вотчинника Василия Уского Петрова сына Есипова, составленная не позднее 2 апреля 1528 г. В ней он завещает жене свой домовый арсенал: *«Пять пансырв; да три бехтерци, да трои наколенки, да шестеры наручи, да кольчюга; да шесть шеломов; да трои боторлыки»*⁴⁶.

Следующий документ — духовная князя Юрия Меньшого Андреевича Пенинского-Оболенского, наиболее вероятная её датировка — около 1554 г., так как позднее имя князя исчезает из разрядов⁴⁷. В духовной приводится целый домовый арсенал князя. Так, изначально он распоряжается взыскать с князя Василия Ивановича Тёмкина *«...шолом тамошний черкасской и юмшан шамахейской, а цена шелому и юмшану пятьдесят рублей»*⁴⁸. Также требует взыскать с князя Юрия Васильевича Лыкова Оболенского *«...шелом мос[ковское дело грановит] грани широкие, прямые, наложен серебром — цена шелому пять рублей»*⁴⁹. И в конце в качестве приданого он завещает своей дочери Аграфене *«...доспех мой, да бехтерец шемохейской, наручи, наколенки шемохейские»*⁵⁰.

Ещё две записи обнаруживаются в «Книге раздачи жалования служилым людям государева полка», писанной в 1556–1557 гг. В них речь идёт о серпуховских помещиках. Первый — Никита Васильев сын Попадъина Квашнин — присутствовал на смотре *«...в пансыре, с наручьми и с наколенки»*⁵¹. Второй — Иван Иванов сын Кобьтин Мокшеев — присутствовал на смотре *«...в полном доспесе, в юмшане и в шеломе, и в наручах, и в наколенках»*⁵².

И последний по времени из интересующих нас документов — духовная князя Семёна Михайловича Мезецкого, составленная не позднее 1558 г. В ней он завещает взыскать комплект доспеха, который ранее одалживал из своего домового арсенала суздальскому сыну боярскому Семёнову Иванову сыну Щелканову: *«Пансырь немецкой, шолом шамахейской, да наручи, да наколенки, да батарлыки навожены золотом да серебром»*⁵³.

Таким образом, мы видим, что полный комплект защитного вооружения, состоящий из защиты головы, корпуса, верхних и нижних конечностей имел распространение и в среде послужильцев центральных регионов Московского государства, а вовсе не был характерен исключительно для северо-западных регионов Руси. Наличие

и использование его представителями корпораций Дмитрова, Серпухова, Волока Ламского, Ростова, Твери, Суздаля неопровержимые тому доказательства.

На наш взгляд, действия московитов под Русой в 1456 г., когда они вначале обстреляли лошадей новгородской рати, и та же тактика в битве на Шелони (о чём свидетельствует Московский летописный свод: *«На них начаша преже стреляти их, и възмутишися под ними кони их, начаша с себе бити их»*⁵⁴) обусловлены не тяжестью доспехов, а использованием различной тактике изначально. Так, Московский летописный свод в отношении новгородцев уточняет одну весьма важную деталь: *«Копия же имяху дълга, и не можаху и възнимати ихъ, тако якоже обычай есть ратным, но на землю испущающе их»*⁵⁵. По нашему мнению, это является свидетельством использования новгородцами шоковой таранной копейной тактики, которую на Руси не использовали. Здесь стоит сделать отступление.

Ещё начиная с исследований А. Н. Кирпичникова, многие специалисты единодушны в том, что таранный копейный удар был основным видом тактики на территории Древней Руси до периода ориентализации⁵⁶. Между тем, это явное заблуждение, так как на Руси для этого не имелось никаких предпосылок. Более того, как основа тактики шоковый таранный копейный удар — прерогатива практически исключительно западноевропейского рыцарства. Дело в том, что для статического копейного удара, а именно только он может считаться таранным⁵⁷, необходима совокупность ряда технических условий. А именно: наличие соответствующего конского поголовья, ясельного седла, жёсткого мундштучного управления, характерных шпор, специфических наконечников копий. В Новгородской республике эта тактика могла появиться под влиянием литовских служилых людей. Так, ко времени битвы под Русой Новгородом без малого 9 лет правил служилый литовский князь Александр Чарторыйский. Он же и возглавлял силы новгородцев в кампании 1456 г., более того, как указывалась выше, его личная дружина насчитывала 300 комбатантов.

О том, что на литовских землях Руси уже в первой половине XV в. тактика претерпела серьёзные изменения, свидетельствует изложение в Московском летописном своде эпизода феодальной войны — битвы у Скорятина 1436 г., в котором указано: *«Тогда же приехал к нему*

служити из Литвы князь Иван Баба Дрютских князеи. И тои изряди свои полк с копии по Литовскы, тако же и вси прочии полци великого князя изрядишеся по своему обычаю вскоре»⁵⁸.

В этом случае, ввиду сказанного, возникает резонный вопрос: можно ли говорить о том, что максимальное утяжеление комплекса вооружения на Руси происходит значительно позднее эпохи Куликовской битвы, а ранее полученные выводы являются ошибочными?

Если обратиться к археологическому материалу XIV в., то действительно на территории Руси присутствуют находки элементов защиты конечностей, а именно последние являются показателем максимального утяжеления доспеха.

К таковым можно отнести ряд находок из Великого Новгорода. Наплечник с Неревского раскопа датируется рубежом XIII–XIV вв.⁵⁹; фрагмент латной перчатки с защитой большого пальца с того же раскопа датируется первой половиной — серединой XIV в.⁶⁰; обломок створки наруча датируется не ранее 1369 г.⁶¹; наплечник с раскопа XXVIII датируется широко — в рамках XIV в.⁶² Ещё одна находка, наплечник XIV в. происходит из раскопок Твери⁶³. Здесь стоит указать, что на территории Руси обнаружены и другие находки интересующего нас характера. Целая серия происходит всё из того же Великого Новгорода, но предметы либо депаспортизированы⁶⁴, либо могут быть датированы слишком широко с заходом в XV в.⁶⁵, либо имеют неоднозначную атрибуцию⁶⁶, либо связаны с присутствием иностранных гостей⁶⁷. Ещё одна находка, представляющая для нас интерес, но не имеющая чёткой даты, происходит из раскопок Пскова⁶⁸.

Таким образом, в контексте поставленного нами вопроса интерес могут представлять всего пять находок. При этом стоит акцентировать внимание на том, что их датировки хронологически неравномерно распределяются в пределах затронутого столетия. Для Руси элементы защиты конечностей известны и для более раннего времени. Так, при раскопках летописного Гомия, в слоях монгольского погрома были обнаружены фрагменты наручей от двух гарнитуров⁶⁹. А всё из того же Великого Новгорода происходит фрагмент поножей, или оплечья, датированный между 1224–1238 гг.⁷⁰ К слову, в отечественной литературе к находкам XIII в. принято относить также находку наруча с городища Девичь-гора у с. Сахновка на Черкашине⁷¹ и обломок внешней

створки наруча с околицы летописного Гомия⁷². Но, по нашему мнению, на основании аналогий⁷³ они относятся к периоду, когда эти земли уже входили в состав ВКЛ. Исходя же из воссозданной картины, можно констатировать, что элементы защиты конечностей на протяжении XIII–XIV вв. на территории Руси были известны, но использовали их лишь периодически. И особо стоит обратить внимание, что, чем ближе к XV в., тем количество находок возрастает, а это говорит о том, что интенсивность использования этих элементов постепенно набирала обороты. В нашем случае это весьма показательно, так как данная ситуация характерна для военного дела всей Европы. Что касается многочисленных упоминаний этой категории вооружения в актовом материале на Руси с конца XV в., то можно считать это пиком распространения этих элементов защиты. При этом, судя по характеру документов, перед нами явно не процесс, развивающийся в направлении кульминации, а уже приведенная в завершённый вид картина.

Между тем, ряд исследователей склонен связывать увеличение частоты упоминаний различных категорий вооружения в актовом материале напрямую с увеличением количества дошедших до нас документов, которое мы наблюдаем с конца XV в.⁷⁴ Последний факт неоспорим. Однако в источниках начиная с конца XIV в. можно зафиксировать появление названий самостоятельных категорий доспеха и повышение частотности их употребления. Так, если до конца XIV в. элементы доспеха в источниках обозначались общими эпитетами, к примеру: «*Оже князь поиде присъли Ивана Хроушькиниц шелом и броне и щитъ*»⁷⁵, — то с конца XIV в. элементы доспеха начинают обозначаться именами собственными. Первое такое обозначение мы находим в новгородской берестяной грамоте № 383, которая происходит из слоя, датирующегося между 1380–1400 гг.: «*Приказ от Романа к Пятелею цо прилбица у тебе Ондреева прилбицу дай Ондрееу*»⁷⁶. В это же время наименования отдельных элементов древнерусского доспеха мы встречаем и в иностранном актовом материале. Так, в «Большой счётной книге Тевтонского ордена» дважды, под 1396 и 1402 гг., упомянуты *русские кожаные наплечники*, поставляемые прусскими торговцами в орденские арсеналы. В первом случае речь идёт о 20 комплектах⁷⁷, во втором — о двух⁷⁸. Эти же элементы древнерусского доспеха упомянуты и в хозяйственной книге Мариенбургского конвента, охватываю-

щей период 1399–1409 гг., где под 27 июня 1401 г. значится, что Оружничим было выдана сумма в полмарки брату-рыцарю Йохану Баптисту на их ремонт в Кенигсберге⁷⁹. Вполне возможно, что наплечники русской работы (*в оригинале tasses de Russie.* — Ю.К.) были среди даров, преподнесенных великим литовским князем Витовтом послу бургундского герцога Жана Бесстрашного фламандцу Жильберу де Ланнуа, посетившему литовские земли в 1421 г.⁸⁰ При этом стоит отметить, что из пяти вышеприведенных находок элементов защиты конечностей, которые чётко можно относить к XIV в., три представлены именно наплечниками.

Активизацию интересующих нас обозначений мы видим в памятниках Куликовского цикла, где упоминаются *калантари злачёные, шеломы черкасские, немецкие, шишаки и щиты московьския, боданы бессерменьския, шоломы позлащёнными с личинами добрыми, яловчики шоломов*⁸¹. Все эти определения явно добавлялись в произведения на протяжении XV в.

Таким образом, чтобы связывать возрастающую интенсивность упоминаний элементов защиты конечностей в актовом материале лишь с увеличением количества источников недостаточно оснований.

В то же время здесь можно возразить, что в документах наряду с наручами, наколенками и бутурлыками фигурируют и кольчато-пластинчатые доспехи — *зерцала, юшманы, бехтерцы* — неотъемлемые атрибуты ориентализации. Между тем, как справедливо заметил О.В. Шиндлер, оружейные термины могли со временем меняться⁸². В нашем случае это замечание весьма актуально. Дело в том, что мы не имеем совершенно никакой информации о конструкции древнерусских *зерцал* ранее XVII в. Само же слово в значении «зеркало» является устаревшим, поэтому так могли назвать, к примеру, любой блестящий полированный доспех. Здесь стоит специально оговориться.

Дело в том, что на протяжении практически всего средневековья полировка доспехов не являлась обязательной, а была атрибутом особой техники отделки, то есть исключением. Причём процесс этот был весьма трудоёмким, вследствие чего такие доспехи ценились весьма высоко.

Что до термина *юшман*, то исследователи традиционно связывают его происхождение с персидским *jushan*, или *javashen* — одним из видов ближневосточного доспеха⁸³. Между тем, происхождение

типа панциря, известного нам как *юшман*, нужно, скорее всего, связывать с территорией Леванта, так как наиболее ранние его образцы, относящиеся к середине XV в., имеют османское или мамлюкское происхождение⁸⁴. В свою очередь этот тип доспеха в турецком языке обозначается термином *zirh gömlek*⁸⁵. Исходя из данных фактов, можно заключить, что под термином *юшман* понимался иной тип доспеха, чем мы привыкли считать.

Что касается термина *бехтерец*, то здесь тоже не всё однозначно. Так, ряд отечественных исследователей считает, что он заимствован из персидского языка⁸⁶. Однако иранским исследователям этот термин не известен вовсе⁸⁷. Доржи Банзаров, один из первых исследователей монгольского языка, возводил это название к монгольскому термину *бектер*, который изначально применялся для обозначения доспеха типа *куяк*⁸⁸. Этот факт весьма для нас примечателен. Дело в том, что впервые в Восточной Европе термин *бехтерец* зафиксирован в вышеупомянутом «Рэестре посполітых рэчeў скарбных» — инвентарной описи Несвижского замка времён князя Миколая Радзивилла Старого. При этом особый интерес вызывает характеристика упомянутого доспеха — «*бехтер черленным оксамитом крыть*»⁸⁹. В то же время ни у одного из дошедших до нашего времени бехтерцев покрывок или их следов не зафиксировано. Более того, на основании сохранившихся образцов можно смело утверждать, что данный тип доспеха набирался без органической основы и не имел таковой в качестве подкладки. В несколько более поздних реестрах, связанных с несвижским арсеналом и родом Радзивилов, есть ещё две похожих записи. Так, в реестре вещей, высланных в 1569 г. из Несвижа в Чернавчицы, значится «...*карацена на чорным аksamите набранная с рукавами*»⁹⁰. А в реестре вооружения Крыштофа Радзивила за 1584 г. числится «...*караценка стара червонным аksamитом покрыта*»⁹¹.

Сам термин *карацизна* происходит от итальянского *corazzino*, обозначающего мелкопластинчатый вид доспеха типа *бригантина*. Как известно, именно последний тип доспеха и набирался на органической основе и имел подобную подкладку. Но можно ли на основании этого предположить, что в «Рэестре...» 1510 г. под обозначением *бехтер* подразумевалась именно *карацизна*? Ответ на этот вопрос можно найти в сообщениях современников.

Так, московский посол, грек по происхождению, Георгий Перкамот в канцелярии Сфорца в 1486 г. дал следующее описание доспехов московитов: «Для войны используют легкие корацины на манер тех, что используют мамлюки султана»⁹². При этом, как показывают раскопки и исследования последних лет, на протяжении XV в. мамлюки в своём комплексе вооружения действительно использовали в качестве доспеха именно мелкопластинчатые бригантины типа *коррацина*⁹³. Между тем, в своё время А. Н. Кирпичников, под влиянием труда английского исследователя Рассела Робинсона посчитал, что в данном сообщении под термином *корацина* стоит понимать именно кольчато-пластинчатые *бехтерецы*⁹⁴. Но на сегодняшний день ни в одном музейном собрании нет ни одного *бехтереца*, который имел бы атрибуцию как мамлюкский, в то время как до наших дней дошло немало мамлюкских доспехов. В целом при изучении мамлюкского доспеха XV–XVI вв. складывается чёткое впечатление, что мамлюкам тип доспеха, который нам известен под традиционным обозначением *бехтерец*, не был известен вовсе. Таким образом, можно с большой долей вероятности предполагать, что термином *бехтерец* на Руси в конце XV — начале XVI вв. обозначали доспех именно типа *корацина*.

В пользу нашего предположения свидетельствует и ряд сообщений современников-иностранцев. Английский купец Ричард Ченслер, посетивший север Московии в 1556 г., указывает следующее: «Их броня — бригантины (в оригинале *coat of plates*. — Ю.К.), а на головах — начерепник. Некоторые из их бригантин покрыты бархатом или парчой»⁹⁵. Другой современник, папский нунций в Польше кардинал Каммендоне, в реляции о победной битве при Уле в 1564 г. так описывает трофеи, доставшиеся полякам: «Кроме военного снаряжения и кольчуг, и ещё бехтерецы, которые вроде карацин»⁹⁶. А в победном памфлете гетмана Николая Радзивила, отпечатанном Николаем Кнорреном в Нюрберге и составленном на основе реляции, написанной гетманом на следующей день после битвы, прямо говорится, что доставшиеся трофеи состоят из «...доспехов (в оригинале *harnisch*. — Ю.К.), панцирей и коррацин»⁹⁷.

О том, что *корацины* на Руси ещё в середине XVI в. не были диковинкой, косвенно свидетельствуют дары английского посольства, прибывшего к Ивану Васильевичу Грозному 1556 г., преподнесённые

последнему: «Выдающаяся пара бригадин с морионами, крытая малиновым бархатом и с позолоченными заклепками»⁹⁸.

Но здесь встаёт вопрос: в какой период термин *бехтерец* стал использоваться для обозначения кольчато-пластинчатого доспеха? Ответ на этот вопрос можно найти в уже упомянутом реестре вещей, высланных в 1569 г. из Несвижа в Черновчицы. Среди прочих доспехов значится «...*бехцер панцеровы з бляшками позалочаными*»⁹⁹. Таким образом, здесь мы видим явное использование определения *бехтерец* непосредственно для кольчато-пластинчатого доспеха. Также стоит обратить внимание на выше приведённую духовную князя Юрия Меньшого Андреевича Пенинского-Оболенского (около 1554 г.), в ней он завещает своей дочери Аграфене «...*доспех мой, да бехтерец шемохейской*»¹⁰⁰. Определение шемохейской здесь явно свидетельствует о том, что указанный доспех имел отличие от общераспространённого. По нашему мнению, указание на иранское происхождение доспеха свидетельствует о его кольчато-пластинчатой структуре.

На то, что подмена интересующего нас изначально определения могла произойти именно в начале второй половины XVI в., косвенно указывает и появление в это время в древнерусском актовом материале термина *куяк*. Так, в «Боярской книге» 1556–1557 гг. этот термин употребляется четыре раза. На смотре среди боевых холопов Нелюба Тимофеева сына Зачесломского двое были в «*куяке*»¹⁰¹. Один из боевых холопов серпуховского помещика Семёна Истомина сына Нащечкина¹⁰² и один из боевых холопов Русина Семёнова сына Батюшкова также числятся в «*куяке*». При этом один из боевых холопов последнего значится и в *бехтереце*¹⁰³. Предполагать же то, что данные записи фиксируют появление нового типа доспеха в комплексе вооружения московитов, никаких оснований нет. Напротив, в это время он становится уже архаичным пережитком, подтверждением этому может служить как раз тот факт, что он используется незначительным количеством воинов и только боевыми холопами.

В древнерусском актовом материале сам термин *бехтерец* впервые встречается в 20-е гг. XVI в. В приведённых духовных Григория Дмитриева сына Русинова (не позднее 1522 г.) и Василия Уского Петрова сына Есипова (1528 г.) у первого упомянут один, а у второго — три *бехтереца*. Исследователи обыкновенно видят здесь кольчато-пластинчатый

доспех¹⁰⁴. Поводов к этому два. Первый — это изображение на широко известной парсуне «Битва под Оршей», датированной 1530 г., где московиты практически поголовно изображены в *бехтерцах*¹⁰⁵. При этом большинство исследователей считают это весьма реалистичным¹⁰⁶. Но А. Н. Лобин в своей недавней статье, посвящённой анализу этого произведения, отметил, что представленный комплекс вооружения московской рати не соответствует описаниям актового материала¹⁰⁷. Более того, исследователь высказал предположение, что на полотне показано некое идеализированное московское войско, в «топовом» снаряжении¹⁰⁸. Косвенное подтверждение этому можно видеть в описании князем Курбским Царского полка во время финального штурма Казани: «*Полку же царскому великому... много воинства свежего, в пресветлые зброи облаченного*»¹⁰⁹. Данный пассаж весьма показателен. Дело в том, что Государев полк изначально состоял из выборных дворян, а после Второго казанского похода он был дополнен ещё и Избранной тысячей¹¹⁰. Надо полагать, что собранный в рамках одного формирования цвет служилого московского сословия был вооружён именно по последней моде, то есть в сверкающие полированные кольчато-пластинчатые доспехи, почему он и рисовался в глазах современников идеальным. Второй повод — это приведённая в своё время А. Н. Кирпичниковым цитата из якобы немецкого издания 1557 г. «Записок о Московии» имперского посла барона Сигизмунда Герберштейна: «*Кольчатый панцирь (VanBerhembder), погрудный доспех (Brustharnist), состоящий из соединённых вместе колец и пластин, расположенных наподобие рыбьей чешуи*»¹¹¹. Между тем, данный фрагмент более походит на латинский вариант издания, напечатанный в 1556 г. в Базеле: «*Некоторые из выдающихся, кольчугу, кирасу искусно, словно из неких чешуй собранную, и наручи: немногие же наверху, подобно пирамиде в верхней части изукрашенное, используют*»¹¹². В то время как в немецкой версии «Записок...» 1557 г., изданных в Вене, во фрагменте с описанием доспехов московитов речь идёт о коращине: «*Те, что более других могущественны, имеют кольчугу, и как примерно соответствующий коращине но меньше главной доспех, те же самые [имеют] невысокие или заостренные [шлемы]*»¹¹³. Стоит заметить, что описание московских коращин Герберштейном перекликается с сообщением Перкамота — у обоих они в одном случае легче, а в другом меньше привычного для них типа доспеха.

С латинской же версией издания Герберштейна перекликается сообщение немецкого путешественника Иоганна Давида Вундерара, побывавшего в Московии в 1590 г.: «*Эти воины обычно на лошадях, вооружены кинжалами и кожей обтянутым щитом, некоторые панцирем и доспехами наподобие рыбьей чешуи защищены...*», — сообщает его «Путешествие в Москвию»¹¹⁴.

Примечательно и то, что польские источники конца XVI в. *кораццины* у московитов уже не упоминают. Так, Матей Стрыйковский в своём труде «Хроника польская, литовская, жомойтская и всей Руси», законченном в 1582 г., при описании битвы под Оршей повествует:

*В этом бегстве Москва так тонула,
Что воды прежде быстрые о трупы остановились,
Как дамба стали окровавленные бехтеры,
Утонули разом самоуверенные богатыри*¹¹⁵.

А при описании битвы под Улой добавляет: «*Также панцирей и бехтеров, которые везли за войском на 6000 особ, побрали поляки*»¹¹⁶.

Вероятно, перед нами фиксация реалий, когда *кораццины* уже массово начинают выходить из употребления московитов, и термин *бехтерец* окончательно закрепляется за привычным для нас кольчато-пластинчатым типом доспеха. Здесь, правда, стоит сделать отступление и указать, что эпизодически *кораццины* продолжают встречаться ещё в первой половине XVII в. Так, в Ярославской десятне 1649 г. числится смолянин Парамон Иванов сын Золотарёв, который вышел «*...на коне, в кукке, шапке мисюрке, в корвашех (польское название наручей-базубандов. — Ю.К.), с саблею, да пара пистолой, да с карабином*»¹¹⁷.

Но когда всё-таки на Руси появляется тип кольчато-пластинчатого доспеха, известный нам под традиционным обозначением *бехтерец*? На наш взгляд, здесь стоит обратить внимание на другой термин, обозначающий кольчато-пластинчатые доспехи, появившийся на Руси в XVI в. Речь идёт о *юшмане*, как мы указали выше, нет никаких оснований связывать это обозначение с тем видом доспеха, который сегодня известен нам под этим именем. По мнению видного иранского исследователя в области оружиеведения Манучехра Маштага Хорасани, в персидском языке *юшманом* называли именно кольчато-пластинчатый доспех¹¹⁸.

Отдельно стоит отметить, что в документах интересующего нас периода этот термин имеет форму «юмшан». В то же время на Руси ещё с рубежа XII–XIII вв. бытовал термин емшан, но тогда он отношения к вооружению не имел¹¹⁹. И, скорее всего, приводимый в документах *юмшан* — это изначальный *jushan*, замененный более привычным на слух и созвучным *емшан*.

Ответ на вопрос о появлении интересующего нас типа кольчато-пластинчатого доспеха следует искать в духовных. Первое упоминание термина *юмшан* мы находим в духовной Григория Васильевича Жукова-Оплечуева, составленной не позднее 1541 г.: «Зятю своему Ивану Ондреву сына Мечева конь солов да юмшан»¹²⁰. Следующее упоминание, но в искаженной форме, мы встречаем в приведённой выше духовной Григория Михайловича Валуева, не позднее 1544 г. Среди прочего он наказывает взыскать «...пансырь шюмячий, а цена ему два рубля»¹²¹. Далее мы видим этот термин в духовной князя Никиты Александровича Ростовского, составлена в 1548 г.: «Да что былъ у меня юмшанъ княже Васильев Елецкого, и яз ему тот юмшан отдал»¹²². Весьма уникальный факт мы наблюдаем в духовной князя Юрия Меньшого Андреевича Пенинского-Оболенского, около 1554 г. В ней мы видим сразу и «юмшан шамахейской»¹²³, и «бехтерец шемохейской»¹²⁴. То есть перед нами использование обоих терминов в один период, что и указывает на время смены терминологии. Таким образом, исходя из представленных документов, можно заключить, что интересующий нас тип доспеха появляется на Руси не ранее конца 30-х гг. XVI в. и получает своё распространение в последующие десятилетия.

На основании всего сказанного складывается весьма интересная картина, разительно отличающиеся от устоявшегося мнения. Согласно приведённым документальным свидетельствам, на территории Московии во второй половине XV — первой трети XVI вв. использовался максимально утяжелённый комплекс вооружения, включавший в себя корпусной доспех клёпано-нашивной конструкции и защиту конечностей. В то время как кольчато-пластинчатые доспехи появляются в этих землях достаточно поздно. Соответственно, и облегчение доспеха начинается значительно позднее.

О том, что в указанный период москвитями использовался достаточно мощный доспех, есть и прямые свидетельства современников.

Так, при описании битвы при Орше, 1514 г., в «*Acta Tomiciana*» — многотомном сборнике документов XVI в., кропотливо собранных польским историком Станиславом Гурским (1572 г.), указывается следующее: «У них (московитов.— Ю.К.) присутствовало два недостатка, сказавшиеся в битве: один, что не употребляли бомбард, и другой, что вопреки [воинскому] обычаю отяготили себя против неукротимых ударов множественным вооружением, которое мешало проворным движениям в бою»¹²⁵. Важно обратить внимание, что в упомянутом источнике приводятся весьма любопытные детали этой битвы, отсутствующие в других сочинениях.

Второе свидетельство принадлежит перу князя А. М. Курбского. Описывая финальный штурм Казани в 1552 г., он сообщает о своём доспехе: «Видех себя обнажена лежаща, многими ранами учащенна, а живот цел, понеже на мне збройка была праотеческая, зело крепка»¹²⁶. То есть речь идёт о доспехе отца или деда. Служба первого приходится как раз на первую треть XVI в. (умер в 1547 г.), а второго — на последнюю треть XV — начало XVI в. (погиб в 1506 г.).

В заключение особо стоит отметить, что все эти свидетельства мало вяжутся с нашими представлениями о так называемой *ориентализации* — реорганизации военного дела на восточный манер: сменой копейной таранной тактики на стрелковый бой, как следствие облегчением доспеха и т. д.

Как мы видим, в отношении *доспешной моды* письменные свидетельства упорно указывают на то, что доспех в русских землях продолжает утяжеляться на протяжении всего XV в. В то же время не вызывает сомнения, что данный процесс берёт своё начало ещё в золотоордынский период. Более того, схожую картину можно видеть и в самой Золотой Орде начиная с середины XIV в.¹²⁷ При этом развитие доспеха происходит именно в традиционном русле: продолжается использование пластинчатых систем бронирования. Все эти факты наводят на мысль — а был ли вообще разрыв традиций? В этой связи обращает на себя внимание ряд новейших исследований, указывающих, что некоторые организационные моменты произрастают из золотоордынского периода Руси¹²⁸. Ввиду этого, возможно, и наши представления о смене тактики — это лишь слабые попытки восприятия и трактовки тех процессов, которые происходили в военном деле Руси

в период второй половины XIV — первой половины XV вв. Так, к примеру, Д. А. Селивёрстов, основываясь на сделанных им ранее выводах, применительно к XIV в. прямо пишет, что «...воинство Великого Княжества Владимирского являлось составной частью войска Золотой Орды и мало чем от него отличалось в части состава, вооружения и образа действия на поле боя»¹²⁹.

Насколько эти предположения верны, и в какой мере археологический материал подтверждает обозначенные тезисы, складывающиеся в обрисованную в данной статье картину развития комплекса вооружения, будет рассмотрено нами в следующих работах.

Ссылки

¹ Пользуясь случаем, автор выражает свою благодарность Комарову О. В., Курбатову О. А., Пахомову И. Н. и Селивёрстову Д. А. за предоставленные материалы, а также за советы, данные ими по теме статьи в процессе её подготовки.

² Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв.— Л., 1976.— С. 11.

³ Там же.— С. 34–35.

⁴ Археология СССР. Свод археологических источников (далее САИ) — Л., 1971.— Е 1–36; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— Вып. № 3.— С. 60.

⁵ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси...— С. 11.

⁶ Селезнёв Ю. В. «А перемѣнитъ Богъ Орду...» (русско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV в.).— Воронеж, 2006.

⁷ Набиев Р. Ф. Государство Джучитов в XIV веке: проблемы экономического развития.— Казань, 2014.

⁸ Селезнёв Ю. В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках.— Воронеж, 2013.

⁹ Селиверстов Д. А. «А ординци и делюи, а тем знати своя служба, как то было при нашемъ о(т)ци, при великомъ князи...» (к вопросу об ориентализации московского войска середины XIV — начала XV веков) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников.— Астана, 2012.— С. 220–245.

¹⁰ Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв.— М., 2009.

¹¹ Двуреченский О. В. Реликвии Донского побоища: Находки на Куликовом поле.— М., 2008.— С. 63–79; Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков.— Тула, 2015.— С. 287–303.

¹² Кирпичников А. Н. Куликовская битва.— Л., 1980.— С. 72; Возный И. П. Военное искусство в Куликовской (1380) и Грюнвальдской (1410) битвах (сравнительный структурный анализ) // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда. Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. (К 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге) — Материалы международной научной конференции 22–24 октября 2010 г. — СПб., 2010.— С. 38.

¹³ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси... — С. 34.

¹⁴ Автору не удалось установить в каком именно списке.

¹⁵ Кирпичников А. Н. Куликовская битва.— Л., 1980.— С. 72.

¹⁶ САИ... — Е 1–36; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие... — С. 60.

¹⁷ Цит. по: Русская летопись по Никонову списку. Ч. IV: До 1407 года.— СПб., 1788.— С. 173.

¹⁸ Там же.— С. 172.

¹⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам.— СПб., 1902.— Т. II: А-П.— С. 710.

²⁰ Цит. по: Полное собрание русских летописей изданное по Высочайшему повелению Археографическою комиссией. Т. IV: Новгородския и Псковския летописи.— СПб., 1848.— С. 219.

²¹ Там же.— С. 241.

²² Насонов А. Н. О списках псковских летописей // Полное собрание русских летописей.— М., 2003.— Т. V.— Вып. № 1.— С. 38. (Далее — ПСРА.)

²³ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ПСРА.— М., 2003.— Т. V.— Вып. № 1.— С. 33.

²⁴ Цит. по: Псковские Летописи. Вып. II.— М., 1955.— С. 113.

²⁵ Там же.— С. 59.

²⁶ Там же.— С. 6.

²⁷ Там же.— С. 7.

²⁸ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания... — С. 14.

²⁹ Насонов А. Н. О списках псковских летописей... — С. 37.

³⁰ Цит по: Извѣстія о Россіи, извлеченія изъ писемъ Кардинала Коммендоне въ бытность его Нунціемъ в Польшѣ въ 1563, 1564 и 1565 годахъ къ Кардиналу Карлу Борромео, племеннику Папы Пія IV // Акты историческіе, относящіеся къ Россіи извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ Д. Ст. Сов. А. И. Тургеневымъ. Т. I: Выписки изъ Ватиканскаго тайнаго архива и изъ другихъ римскихъ библіотекъ и архивовъ, съ 1075 по 1584 годъ. — СПб., 1841. — С. 200–201.

³¹ Там же. — С. 201.

³² Оболенскій К. М. Письмо гетмана литовскаго, Радивила, о побѣдѣ, одержанной при Улѣ 1564 года, генваря 26-го // Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. Годъ третій., Кн. 3. — М., 1847. — С. 1 (193).

³³ Цит. по: Зимин А. А. Слово о полку Игореве. — СПб., 2006. — С. 445.

³⁴ Там же. — С. 446.

³⁵ Там же. — С. 447.

³⁶ Там же. — С. 450.

³⁷ Там же. — С. 436.

³⁸ Там же. — С. 66–67.

³⁹ Там же. — С. 27.

⁴⁰ Цит. по: ПСРА. — М.; Л., 1949. — Т. 25. — С. 274.

⁴¹ Цит. по: Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 35: Памятники дипломатическихъ сношеній Древней Россіи съ державами иностранными. Т. 1: Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ (съ 1487 по 1533 годъ). — СПб., 1882. — С. 45 (81).

⁴² Цит. по: Черепнин Л. В. Духовные и договорные грамоты великихъ и удельныхъ князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950. — С. 407.

⁴³ Цит. по: Юхо С. В. Инвентарь вооруженія Несвижскаго замка 1510, 1569 годов (позднее вывезеннаго в Чернавчицы) и другіе инвентари второй половины XVI века: уникальные источники для новыхъ исследований // Война и оружіе. Новые исследования и материалы Труды Третьей международной научно — практической конференціи 16–18 мая 2012 года. — СПб., 2012. — Ч. 3. — С. 447.

⁴⁴ Цит. по: Веселовскій С. Б. Акты Русскаго Государства 1506–1526. — М., 1975. — С. 176–177.

⁴⁵ Там же. — С. 199.

⁴⁶ Цит. по: Зимин А. А. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. — М., 1956. — С. 92.

⁴⁷ Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. — М., 1995. — С. 102–103.

⁴⁸ Цит. по: Зимин А. А. Акты феодального землевладения... — С. 208.

⁴⁹ Там же. — С. 208–209.

⁵⁰ Там же. — С. 211.

⁵¹ Цит. по: «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. № 10. — С. 103.

⁵² Там же. — С. 107.

⁵³ Цит. по: Кистерев С. Н. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря: 1506–1608 гг. — М., 1998. — С. 220.

⁵⁴ Цит. по: ПСРЛ. — М.; Л., 1949. — Т. 25. — С. 289.

⁵⁵ Там же. — С. 274.

⁵⁶ Двуреченский О. В. Холодное оружие... — С. 302; Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. — М., 2010. — С. 286.

⁵⁷ Tsurtsumia M. Couched Lance and Mounted Shock Combat in the East: The Georgian Experience // Journal of Medieval Military History. — Woodbridge, 2014. — Vol. XII. — P. 81–82.

⁵⁸ Цит. по: ПСРЛ. — М.; Л., 1949. — Т. 25. — С. 252.

⁵⁹ Каменский А. Н., Кулешов Ю. А. Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина (по материалам Великого Новгорода) // Военная археология: Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. — М., 2014. — Вып. № 3. — С. 165–166, 179. Рис. 16–17.

⁶⁰ Там же. — С. 154–155, 173. Рис. 2а, 5 г-д.

⁶¹ Там же. — С. 155, 176. Рис. 7–8.

⁶² Там же. — С. 162.

⁶³ Там же. — С. 163.

⁶⁴ Там же. — С. 154–155, 174, 177. Рис. 3 г, 5, 9–10.

⁶⁵ Там же. — С. 152, 172. Рис. 1 м, 5 в.

⁶⁶ Там же. — С. 168–170, 181. Рис. 19 в, 23.

⁶⁷ Там же. — С. 149–151, 172. Рис. 1 а-б, 2а.

⁶⁸ Салмина Е. В., Салмин С. А. Ольгинские I–III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В. В. Седова: Материа-

лы 53 заседания. — Псков, 2008. — С. 48. Рис. 18, 14.

⁶⁹ Лупиненко Ю. М., Макушников О. А. Створчатые наручи первой половины XIII в из летописного Гомия // Военная археология: Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. — М., 2014. — Вып. № 3. — С. 184–190.

⁷⁰ Каменский А. Н., Кулешов Ю. А. Защита конечностей... — С. 166–168, 181. Рис. 19 а-б; 20.

⁷¹ САИ... — Е 1–36; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие... — С. 20. Рис. 23.

⁷² Макушников О. А. Гомельское Поднепровье в V-середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. — Гомель, 2009. — С. 120. Рис. 103.

⁷³ Каменский А. Н., Кулешов Ю. А. Защита конечностей... — С. 158–159.

⁷⁴ Комаров О. В. Отзыв на статью Шиндлера О. В. «Смена доспешой моды во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. II. — С. 600 <http://www.milhist.info/2016/12/12/komarov_3> (12.12.2016).

⁷⁵ Цит. по: Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958–1961 гг.). — М., 1963. — С. 20.

⁷⁶ Там же. — С. 83.

⁷⁷ Ziesemer von W. Das Grosse Ämterbuch des Deutschen Ordens. — Danzig, 1921. — S. 80.

⁷⁸ Там же. — S. 81.

⁷⁹ Joachim E. Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409. — Königsberg, 1896. — S. 101.

⁸⁰ Potvin Ch. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy: voyageur, diplomate et moraliste. — Louvain, 1878. — P. 57.

⁸¹ Зимин А. А. Слово о полку Игореве... — С. 441–442, 445, 447, 480.

⁸² Шиндлер О. В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. I. — С. 88 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

⁸³ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси... — С. 39.

⁸⁴ Stocklein von H. Die Waffenschätze im Topkapu Sarayi müzesi zu Istanbul: Ein Vorläufiger Bericht // *Ars Islamica*.— Michigan, 1934.— Vol. I.— Part 2.— P. 210. Fig. 10; Robinson H. R. *Oriental armour*.— London, 1967.— Pl. 7 a.

⁸⁵ Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея.— М., 2004.— С. 72.

⁸⁶ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси...— С. 38; Шиндлер О. В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*.— 2014.— Т. V.— С. 439 <<http://www.milhist.info/2014/08/18/schindler>> (18.08.2014).

⁸⁷ Khorasani M. M. *Lexicon of Arms and Armor from Iran: A Study of Symbols and Terminology*.— Tübingen, 2010.

⁸⁸ Бранденбург Н. О вліяніи монгольскаго владычества на древнее русское вооружение // *Оружейный Сборник*. № 3.— СПб., 1871.— С. 51.

⁸⁹ Цит. по: Бохан Ю. М. *Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI*.— Мінск, 2002.— С. 54.

⁹⁰ Там же.— С. 55.

⁹¹ Там же.— С. 55.

⁹² Barbieri G. *Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia delle relazioni diplomatiche fra la Russia e il Ducato di Milano nell'epoca sforzesca*.— Bari, 1957.— P. 64–65.

⁹³ Nicolle D. *Late Mamlūk Military Equipment*.— *Travaux et Études de la Mission Archéologique Syro-Française Citadelle de Damas (1999–2006)*.— Damas, 2011.— Vol. III.— P. 263–281.

⁹⁴ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси...— С. 38.

⁹⁵ Цит. по: *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation*.— Glasgow, 1903.— Vol. II.— P. 229.

⁹⁶ Цит. по: Известия о Россіи, извлеченныя из писем Кардинала Коммендоне в бытность его Нунцием в Польше въ 1563, 1564 и 1565 годах к Кардиналу Карлу Борромео, племеннику Папы Пія IV // *Акты историческіе, относящіяся къ Россіи извлеченныя изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ Д. Ст. Сов. А. И. Тургеневымъ*. Т. I: Выписки изъ Ватиканскаго тайнаго архива и изъ другихъ римскихъ библіотекъ и архивовъ, съ 1075 по 1584 годъ.— СПб., 1841.— С. 201.

⁹⁷ Knorren N. *Copia des Brieffes, welchen der Littawische Hauptmann*

gen Warschaw, dem Herm Radivill, zugefand ben 3 Februariy, Unno 1564 // Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. Годъ третій., Кн. 3. — М., 1847. — С. 3 (215).

⁹⁸ Цит. по: Hakluyt's Collection of the Early Voyages, Travels, and Discoveries, of the English Nation. — London, 1809. — Vol. 1. — P. 323.

⁹⁹ Цит. по: Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ... — С. 55.

¹⁰⁰ Цит. по: Зимин А. А. Акты феодального землевладения... — С. 211.

¹⁰¹ «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. Вып. № 10. — М., 2004. — С. 84–85.

¹⁰² Там же. — С. 86.

¹⁰³ Там же. — С. 94.

¹⁰⁴ Шиндлер О. В. Классификация русских корпусных доспехов... — С. 441.

¹⁰⁵ Там же. — С. 442.

¹⁰⁶ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси... — С. 4; Селиверстов Д. А. Московское войско в битве при Орше 1514 г. // Военная археология: Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. — М., 2014. — Вып. № 3. — С. 314.

¹⁰⁷ Лобин А. Н. Образ воинов-«москавитов» на картине «Битва под Оршей» // *Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы.* — Минск, 2016. — Вып. № 9. — С. 166–169.

¹⁰⁸ Там же. — С. 171–172.

¹⁰⁹ Цит. по: Курбский А. М. Исторія о великомъ князѣ Московскомъ // Русская историческая библіотека. — СПб., 1914. — Т. XXXI: Сочиненія князя Курбскаго. — Т. I. — С. 198.

¹¹⁰ Курбатов О. А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформы царского войска // *Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы.* — М., 2009. — Вып. № 1. — С. 208–211.

¹¹¹ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси... — С. 38.

¹¹² Цит. по: *Regum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain.* — Basileae, 1556. — P. 49.

¹¹³ Цит. по: *Moscovia der Hauptstat in Reissen durch Herrn Sigmunden Freyherrn zu Herberstain.* — Wien, 1557. — S. 313.

¹¹⁴ Цит. по: Wunderer J. D. *Reisen nach Dennemarct, Rußland und*

Schweden 1589 und 1590 // Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Litteratur und Geschichte.— Frankfurt a. M., 1812.— Т. 2.— С. 211.

¹¹⁵Цит. по: Strykowski M. Kronika polska, litowska, zmodzka i wszystkiej Rusi.— Warszawa, 1846.— Т. II.— С. 282.

¹¹⁶Цит. по: Strykowski M. О porazeniu 25,000 Moskwy na Ule // Чтения въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. Годъ третій., Кн. 3.— М., 1847.— С. 14 (206).

¹¹⁷Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. № 170. Л. 5.

¹¹⁸Khorasani M. M. Lexicon of Arms and Armor...— P. 191–192.

¹¹⁹Галицко-волынская летопись.— СПб., 2005.— С. 78.

¹²⁰Цит. по: Зимин А. А. Акты феодального землевладения...— С. 151.

¹²¹Там же.— С. 170.

¹²²Цит. по: Акты юридическіе, или собраніе формъ старннаго дѣлопроизводства.— СПб., 1838.— С. 453.

¹²³Там же.— С. 211.

¹²⁴Там же.

¹²⁵Acta Tomiciana: Tomus Tercius Epistolarum. Legationum. Responsorum. Actionum et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi, Regis Polonie et Magni Ducis Lithuanie.— Poznanae, 1853.— Т. III. 1514–1515.— P. 5.

¹²⁶Цит. по: Курбский А. М. Исторія о великомъ князѣ...— С. 202.

¹²⁷Потёмкина Т. М., Кулешов Ю. А. Погребения восточноевропейских средневековых номадов с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья.— Донецк, 2010.— Т. 8.— С. 271–294.

¹²⁸Кулешов Ю. А. Оборот оружия в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация.— Казань, 2014.— Вып. № 7.— С. 206–207; Селиверстов Д. А. «А ординци и делюи...»...— С. 220–243.

¹²⁹Селиверстов Д. А. «А ординци и делюи...»...— С. 243.